Употребление дериватора в некотором контекстном окружении, обобщенное на основе ряда дериватов (или «мотиватов»), выделяемых в один однородный достаточно узкий семантический класс [27], позволяет установить семантически монолитное значение данного дериватора. Если его употребление исчерпывается этим классом дериватов, то он обладает невариативным словообразовательным значением. Так, дериватор *-оныш* в сочетании с мотиваторами, обозначающими животных, и флексиями одушевленных существительных служит для обозначения детенышей животных (*змееныш*, *ужоныш*); дериватор *-аст-* в сочетании с мотиваторами, обозначающими в основном части тела, и флексиями прилагательного имеет значение «характеризующийся интенсивным внешним признаком» (*зубастый*, *глазастый*).

Если употребление дериватора не исчерпывается одной семантической группой дериватов, а включает несколько групп, объединяемых общим семантическим признаком, то его значение является вариативным. Вариативное значение может быть представлено как иерархия общего и подчиненных ему частных значений, которые обусловливаются или, по крайней мере, устойчиво соотносятся с варьированием внутрисловного контекста — меной мотиватора, флексийной парадигмы — либо с изменением внешнего, внесловного контекста.

Если при некотором внутрисловном контекстном окружении дериватора его значения соотносятся только с изменением внешнего контекста, то они являются нормативно-лексически обусловленными. Зависимость таких частных значений от внешнего контекста особенно отчетливо проявляется в условиях одного и того же внутрисловного окружения дериватора. Ср. *трав-ян-ой*: «сделанный, приготовленный из травы»— *травяная настойка*; «живущий в траве»— *травяная лягушка*; «покрытый травой»— *травяные луга*; «свойственный траве»— *травяной запах*; при этих вариациях суффикс *-ан-* сохраняет общее значение «относящийся к тому, что названо мотиватором». Такое значение может быть названо нормативно-лексически независимым.

Мена мотиваторного окружения дериватора может быть ограничена рамками одной широкой семантической категории или выходить за ее пределы. Наиболее общим релевантным для словообразования семантическим признаком мотивирующего слова, приписываемым мотиватору, считается обычно его принадлежность к определенной части речи. Подчеркивают, что в плане содержания «словообразование от основы каждой части речи имеет более или менее определенные закономерности» [28]. Однако можно заметить, что в целом ряде случаев мотивирующие слова, относимые к разным частям речи, оказываются базой выражения одного и того же словообразовательного значения. Так, при образовании прилагательных к одному семантико-словообразовательному результату может приводить мотивированность глаголами и отглагольными существительными. Ср., например *хвастать — хвастливый*, *ворчать — ворчливый* и *сон — сонливый*, *расчет — расчетливый* («склонный к действию, названному мотиватором»). Аналогичное явление наблюдается при образовании существительных. Ср. *бунтовать—бунтовщик*, *танцевать — танцовщик* и *прием — приемщик*, *набор — наборщик* («производитель действия, названного мотиватором»). Значение «приобретать признак» может выражаться глагольным дериватором *-е-* в сочетании как с адъективными мотиваторами, так и субстантивными, если последние заключают в себе качественную характеристику. Ср. *бледный — бледнеть*, *влажный — влажнеть* и *сирота — сиротеть*, *хам — хаметь*.

Релевантность частеречной принадлежности мотивирующего слова и мотиватора отчасти подрывается и фактами наличия одинакового слово-

[27] Широта классификационного семантического признака, если он не опирается на формальные показатели, вряд ли может быть строго и единообразно регламентирована.

[28] Арутюнова Н. Д. Указ. соч., с. 82.